

ЛЕГЕНДЫ РОЖДАЕТ ЖИЗНЬ

Есть люди, которых чем больше узнаешь, тем большая глубина открывается в них. К таким людям я отношу и тульского писателя Ивана Федоровича Панькина.

Когда лет пятнадцать назад я первый раз увидел его, мне показалось, что он мало похож на писателя: слишком обычен внешностью, простоват. Зато с первых дней знакомства бросились в глаза его расположение к людям, бескорыстие, отзывчивость и доброта. А это в человеке — главное. Именно эти качества и побуждают людей тянуться к нему. Недаром в те годы, когда он работал редактором детской литературы в Приокском книжном издательстве, вокруг него объединилась большая группа молодых литераторов, пишущих для детей. И что интересно, для детей в то время писали даже те, кто до этого да и после сочинял только для взрослых. Он был и остается до сих пор настоящим подвижником в литературе, у него нет ни от кого секретов, он готов со всеми делиться замыслами, помочь советом каждому нуждающемуся.

Таким его знали и знают. Но есть и другой Панькин — тонкий, наблюдательный писатель, склоненный над письменным столом и вылавливающий в воспоминаниях о нелегкой прошлой жизни крупинцы материала для своих произведений; Панькин — переворачивающий груды словарей ради уточнения одного-единственного слова.

Помню, он пригласил меня посмотреть портрет, который пишет с него тульский художник Е. Дрофин. Приехали на Косую Гору, идем к дому художника. И вдруг лицо у Ивана Федоровича посветлело, глаза зажглись, и не успел я понять причину, как он схватил в объятия какого-то мужчину с обожженным лицом.

— Да так, знакомый, — пояснил после и, помолчав, добавил: «В палате «смертников» вместе лежали в Кировоградском госпитале».

Оказывается, он познал ад войны уже в девятнадцать лет. Со срочной службы на флоте попал на фронт. А в июне сорок второго — в госпиталь.

В другой раз смотрели по телевидению цирковую программу. Выступали акробаты. Иван Федорович-заметил:

— Знаешь, как уши рвут, прыгая на плечи?

Откуда мне было знать. Он пояснил:

— Меня за это как били!

Приткнулся в уголке и плачу. Долго не мог понять, за что бьют.

Оказывается, он был беспризорником. Работал в цирке жонглером, акробатом. Но он же работал и регулировщиком радиоаппаратуры в Новосибирске, мастером, начальником участка на заводе. Это уже после войны. А детство горькое все напоминало о себе. И он написал автобиографическую повесть «Начало одной жизни». А потом были другие книги: «Серебряный голос», «Рассказы о цирке», «Внук зеленой молнии», «Легенды о матерях», «Чайки далекого моря». Он закончил литературный институт имени А. М. Горького, высшие литературные курсы при нем. И книга легенд о веселом и мудром тульском мастере Тычке была еще впереди. Это сейчас мы восхищаемся и точным, лаконичным языком легенд, и ювелирными образами, а тогда все было еще неопределенно и расплывчато, только рождалось в воображении. Он сумел найти нужную форму повествования, неповторимый образ мастера, чтоб выразить тульский характер.

Первого декабря И. Ф. Панькину исполняется шестьдесят лет. В канун юбилея в издательстве «Детская литература» вышло тоже юбилейное, пятнадцатое, издание его книги «Тайны старого колчана, или Легенды о мастере Тычке». В отличие от первых изданий в десяток-полтора легенд, это уже солидная книга. Она отлично оформлена, имеет логическое завершение. Сам писатель говорит, что он закончил этот цикл легенд. Но, видимо, не закончено издание книги, потому что хоть и было их уже пятнадцать, а найти в продаже ее уже через день-два бывает невозможно.

Недавно Иван Федорович сдал в издательство «Детская литература» рукопись «Севастопольских легенд». О дальнейших планах говорит: «Будет видно». Что ж, поживем — увидим.

В одной из своих легенд И. Ф. Панькин так говорит о своем герое: «Тычке хотели поставить памятник в Туле, но пока не нашлось такого веселого умельца, который мог бы вылепить если не его самого, то хотя бы руки, умевшие из кандалов выковать невиданной красоты ожерелье и этим рассмешить целое государство.

Пусть для него служит памятником вечный перестук молотков, пробуждающий в людях любовь к созиданию».

А какой нерукотворный памятник положен, к примеру, создателю этого литературного мастера? Разумеется, признание читателей и их искренняя благодарность. А для писателя это превыше всего.

Н. СТЕЩЕНКО.